

Клубные встречи

Уславливаясь
с Валерием Тодоровскимоб интервью, я заодно
порекомендовалрежиссеру: "Гляньте
нынче по ТВ"Подмосковные вечера" —
вполне приличное кино".Мой собеседник совету
внял и не пожалел.

Валерий ТОДОРОВСКИЙ:

— Я впервые его пересмотрел за год — и говорю вам очень скромно об этом: у меня хорошие впечатления остались. Весьма доволен, что его снял, и для меня удивительно то агрессивное непонимание, которое он встретил. Хотя эти люди странные, потому что они сначала ругают, а потом все-таки дают призы. В конце концов он же получил приз критики — "Киностиль года", хотя — у людей, которые об этом фильме написали все худшее, что можно написать.

— Валерий, я-то полагаю, что этот фильм об иррациональности зла, заложенного в каждом, развороченного в мире. Но слышал и иное определение: спитой чай. То есть в картине отсутствуют шекспировские или лесковские страсти.

— Вообще я не понимаю, кто придумал, что фильм — про страсть. Мне в голову это не приходило.

— Но этого ждали. Что-нибудь вроде балаяновской версии очерка Лескова, где Абдулов в сарае "сандалит" Андрейченко лбом об дверь.

— Ну да... Но у меня совершенно не про страсть фильм, а про непредсказуемость и красоту того, что происходит внутри каждого человека. Выяснилось, что это почему-то ужасно раздражает. Писали, что это холодное, вычитанное, бездушное произведение, непонятно для кого снято. Хотя, конечно, в фильме есть какой-то непривычный, гайкой европейский, не очень русский способ рассказа истории.

Но если говорить про критику... Ну не нравится тебе — напиши об этом. Но почему такое ощущение, что это вопрос жизни и смерти, почему такой страшный накал страстей? Помню, когда-то Михалков очень хорошо говорил, когда его за какой-то фильм ругали: "Успокойтесь, я же никого не убил! Я не придушил ребенка, не изнасиловал старушку, не совазил малолетнюю — просто снял картину. Такая сила ненависти — откуда она берется?" Вот это меня потрясает.

— Я вижу у вас на стене здоровенную афишу "Катенька Измайлова". Судя по языку, под таким названием фильм шел по Франции?

— Да, он там довольно широко показывался. А писали там об игре артистов, о работе света, монтажа, о способе рассказывать сюжет...

— Но у нас-то критика на уровне эмоций прежде всего.

— Она у нас на уровне: поразил — не поразил, тронул — не тронул. И как следствие — попытки вывести тебя на чистую воду: чего, мол, ты на самом деле хотел. Ты хотел, наверное, понравиться Западу, всех удивить и выпендриться, сделать такую стильную штучку — а хрен-то, ничего ты не понимаешь. И дальше нотация. Дескать, ты делаешь вид, что снимаешь кино, а на самом деле хочешь заигрывать с теми-то, обмануть того-то.

— Но у нас же уголовное общество — вот и нужна блатная слезливая песенка, такая "Мурка Измайлова". А тут чего-то умное

Вег. клуб. - 1996. - 10 февр. - с. 8.

Хочется, чтоб иконы вели себя прилично

— игра не в очко и не в буну, а в преферанс.

— Я никого не осуждаю, а просто уровень критики может быть разным. Но когда ты понимаешь, что пишешь не про фильм, а про тебя лично, и проблема не с фильмом, а с тобой лично... Я могу смириться с тем, что кто-то меня не любит, но, по-моему, в хорошем обществе принято об этом как-то молчать и держать при себе. Если мне кто-то не нравится, я же не должен при всех плюнуть ему в лицо и вылить тарелку борща за шиворот. Так вот, меня удивила своей статьей в "Столице" Алла Боссарт: написала, что вот живет такой ирод-гаденьш, портит воздух, делает вид, будто кинорежиссер, а на самом деле карьерист и сидит у кормушки. Покажите мне, где эта кормушка, я пойду к ней сяду! Кто мне когда приносил в чемодане деньги? Или я друг Черномырдина, и он подарил мне квартиру?.. Надо просто проскакать мимо — хоть это и за гранью.

Я должен вам признаться в одном нехорошем деле: я больше не верю в общественное мнение в профессиональной среде. Не верю, что оно может быть здоровым, нормальным и органичным.

— Террариум единомышленников?

— Просто слишком все пристрастны друг к другу.

— Но призы-то вам и в Отечестве дают: три "Ники", "Золотой листок"...

— Может быть, это происходит оттого, что они ругали, ругали, а в последний момент посмотрели, что у них есть, и подумали, что остальное еще хуже. Вот Никита Михалков отказался участвовать в "Нике" — думаю, от глубокого недоверия к беспристрастности этих голосующих людей. Быть заложником этого клубка отношений — раздражения, любви, нелюбви, зависти — наверное, он просто не хотел. И я его понимаю.

Дали призы? Пока небитый — надо побить. А человек, уже однажды опущенный и наказанный, начинает потом вызывать симпатию. Это как деовщина в армии: раз битый — значит уже можно нормально сидеть с ним на нарах и выпивать самогон. Ты все, молодой, понял? На теперь, пей. То есть я вышел из категории полных салаг. Я стал "черпаком", по этой терминологии. Меня простили: ладно, садись выпивай.

— То есть от киношных нравов вы не в восторге.

— Недавно я участвовал со сценарием, написанным в со-

авторстве, в конкурсе "Зеркало". И там случилась такая вещь, которая меня — по моим, может быть, старомодным взглядам — потрясла. Победил в конкурсе Миндадзе, а в жюри был Абдрашитов. То есть победил сценарий, который Абдрашитов собирается ставить как режиссер. Они в абсолютном соавторстве творят уже 20 лет, то есть это означает, что это их сценарий. Как может быть, что Абдрашитов в жюри судит сценарий Миндадзе, с которым он собирается запускаться в производство? И дает ему главный приз. Меня это совершенно поразило, потому что в таких вещах не бывает справедливости и объективности, но есть форма, которая соблюдается. Какие бы там ни были внутренние мнения, течения, вкусы. Я не могу участвовать в конкурсе, если в жюри мой папа, — это невозможно. И мой папа как человек нормальный никогда бы такого не допустил, отказался бы, если бы ему предложили такой бред.

Почему такой человек, как Абдрашитов, который считается как бы порядочным и честным, допустил это? Почему допустил такой человек, как Миндадзе? Почему организаторы конкурса допустили? И все молчат, это воспринято как норма, как часть абсолютно естественной системы отношений. В жюри же сидели и Герман, и Фрид — неужели им не пришло в голову: Вадим Юсупович, мы все тебя очень любим, ты великий режиссер, но вот тебе неудобно сидеть здесь. Почему не создать хотя бы иллюзию справедливости? Просто соблести внешние формы приличия. При этом сколько я живу, слышу, что Абдрашитов и Миндадзе — образцы порядочности, люди, которые морально-нравственную тему развивают в нашем кино в отличие от нас, безнравственных коллег. Стало ясно, что отношения во внутрикиношной среде стали приобретать демонстративно хамский оттенок. И я вдруг понимаю: да, есть что делить. Если начать вникать в то, что сейчас происходит в коридорах "Мосфильма", — там пошла напряженная открытая борьба за деньги. Уже все интеллигентские штучки забыты.

— Период такой...

— Это никакой не период — это Жмеринка. Не делая попыток никакого серьезного реформирования кино, идет дележка копеек, которые государство все еще дает. Тех бюджетных крошечных смехотворных вливаний.

Я думаю, что начинает возникать потихоньку институт икон — людей, которые уже вне зависимости от того, что они сейчас снимают, являются как бы классиками и находятся вне схватки, вне конкуренции. Это касается конкретных вещей — получения государственных субсидий вне конкурса, льготных условий производства. Скажем, если вы придете на "Мосфильм" и захотите арендовать комнату для работы, то вам она будет стоить, условно говоря, миллион в месяц. Если эту комнату будет брать Соловьев, ему она обойдется, скажем, в 150 тысяч. Потому что он там член правления чего-то.

— Набор икон есть при любой системе.

— Да, но хочется, чтобы иконы еще и вели себя прилично. А они же наглые иконы.

— Ваше режиссерское поколение — тоже как бы ряд икон, созданных при помощи критиков.

— Ну нет, это не иконы. Икона — это больше, чем известность. Это человек, которого уже нельзя трогать. Вот журналистка из "МК", которая жадно выискивает какие-то скандальные вещи для своей газеты, узнав про эту историю со сценарным конкурсом с Миндадзе и Абдрашитовым, сказала: "Я не могу о них это написать". То есть если бы такая история случилась со мной, написала бы, причем сладострастно. Но тут нельзя — они иконы.

— Недавно Ливнев, Тодоровский, еще кто-то из молодых режиссеров захватили Студию Горького. Что это за оккупация? Или путч?

— Да, хорошая фраза... Студия разрушалась. И в какой-то момент стало ясно, что либо нам всем нужно отсюда уйти, либо принять участие в том, что называется попыткой возрождения кинопромышленности в этой стране. И нам показало, что мы знаем, что нужно делать, чтобы через пять лет киноиндустрия здесь заработала. Мы написали письмо в СК и Медведеву с просьбой рассмотреть наше положение. Начался дикий скандал, прежнее руководство не хотело уходить ни при каких обстоятельствах, несмотря на то, что к этому моменту у них был огромный долг и полная беспросветность впереди. Аудиторская проверка подтвердила, что студия банкрот. И тогда произошло то, что вы называете путчем, — это абсолютно на официальном уровне решалось, очень медленно,

взвешенно. Главное, чего мы пока достигли, — навели приличный порядок и остановили рост долга.

— Каким образом?

— Стали более разумно ею управлять. Студия управлялась чудовищно и на самом деле просто разворочивалась. Прежде всего нужно было остановить массовое и бесконтрольное расхищение. А дальше нужны большие вложения. И мы поняли, что этих денег взять негде. Вышли в правительство: государство предложило акционирование. Речь идет примерно о 15 миллионах долларов, которые требуются сегодня, чтобы превратить студию в подобие нормальной европейской.

— Купи себе немного "Олби" — купи себе немного Горького. Кто купит? Инвестор рассчитывает на прибыль, а откуда ей взяться, если у нас нет нормального проката?

— Но подобные же процессы происходят и в прокате: идет попытка возрождения этой сети путем вложения очень серьезных денег. Это делают люди, которые понимают, что через пять-семь лет это, возможно, станет нормальным полноценным бизнесом. Они работают на будущее.

Что касается Студии Горького — в огромной стране, где бурно развиваются все виды визуальных искусств, нет технического центра современного уровня, где была бы единая цепочка: можно было бы снимать, проявлять, переводить на видео, делать спецэффекты и т.д. Представить себе, что создание такой структуры окажется невыгодным, я не могу. Потому что я подозреваю, что у нас через пять лет будет минимум 20 каналов по ТВ, а через десять — 40. Продукция для всего этого где-то должна создаваться, кто-то и на чем-то это должен делать. Поэтому те, кто придет и принесет деньги, наверное, будут это просчитывать.

— Что ж, Россия — страна химер и утопий, но, с другой стороны, в ней все возможно... Возвращаясь к "Подмосковным вечерам": прокат у фильма по стране был?

— Был — и насколько знаю, хороший. Я разговаривал с директорами кинотеатров из Перми, Якутии, и мне говорили, что были заполненные залы. Вообще удивительно, но этот фильм имел нормальный отклик у двух категорий — у публики в кинотеатрах и у совсем эстетствующих критиков типа Шуры Тимофеевского или Любы Аркус. Все, что по середине — это тусовка, незадачные кинокритики, — они его не приняли. Смотрели хорошо и во Франции, в Японии.

— Будучи во Франции, вы пытались присутствовать на просмотре своего фильма в обычном кинотеатре?

— Да, конечно. Причем я был на просмотре даже не в Париже, а в провинциальном городке Бон под Дижоном. И была абсолютно нормальная реакция.

— Как можно прочувствовать реакцию зрителей, если картина не комедийная?

— Молчат, не уходят, не жуют, смотрят на экран. Видно по лицам. Вообще есть один грандиозный тест, который я могу всем посоветовать. Я далек от всякого коллекционирования, но у меня есть коллекция киномехаников.

— То есть?

— Я всегда на просмотрах в разных городах и странах хожу в будку к киномеханику. И смотрю на его реакцию — он сидит у окошка или бродит, жуёт бутерброды? Это почти всегда очаровательные люди, и были очень смешные истории с ними.

— Например?

— Ну с одним мы просто написали ужасно — в Майами на показе "Любови". Было очень жарко, он сидел в майке, весь в поту и, когда я зашел на середину, попытался меня выгнать — толстый пузатый человек, эмигрант — кубинец с ужасным акцентом. Я, говорю, режиссер этого фильма. Тут он: "А-а! Да это же все про нас!" Достал бутылку вина, и мы с ним сели и прекрасно пирали, даже когда фильм уже кончился.

— Вот чудно: кубинцу из Майами оказались близки Россия, зима, электрички, евреи...

— Да!